

К вопросу об этнокультурных связях и семантике орнамента уйльта (ороков)

Часть I. Основные мотивы криволинейного и геометрического узора

Татьяна Юрьевна Сем,

кандидат исторических наук, ведущий науч-
ный сотрудник отдела этнографии народов
Сибири и Дальнего Востока Российского
этнографического музея, Санкт-Петербург.
E-mail: semturem@mail.ru

В статье по материалам орнамента изучается проблема этногенеза и этнокультурных связей уйльта (ороков). Сначала рассматриваются этапы этногенеза и общие вопросы анализа орнаментики. Далее выявляются особенности основных мотивов криволинейного и геометрического узора уйльта (ороков) и связь его символики и семантики с традиционными верованиями, что позволяет обнаружить этнокультурные влияния и взаимодействия, обеспечивая работе актуальность и новизну. Обосновывается тезис, что орнамент является одним из наиболее этнопоказательных элементов традиционной культуры и сохраняет различные этнокультурные пласты иконографии и верований.

Исследуются этнографические материалы Российского этнографического музея, а также ряда дальневосточных музеев: орнамент уйльта (ороков) на одежде, обуви, головных уборах, утвари, оленьей упряжи, ритуальных предметах.

У геометрического и криволинейного узоров выделяются крупный криволинейно-спиральный, мелкий спирально-растительный, скобообразный и сердцевидный мотивы, чьё сочетание также образует зооморфные и антропоморфные орнаменты, которые будут рассмотрены во второй части статьи.

В семантике узоров уйльта (ороков) прослеживается отражение их мифологии, ритуалов и верований, обнаруживается особая значимость культов плодородия, солнца и огня. В статье даётся характеристика различных этнических влияний, среди которых вычленяются древние, средневековые и более поздние компоненты. В этнокультурном плане в орнаменте уйльта (ороков) наиболее архаичен так называемый амурский неолитический пласт, включающий местные традиции, восточноазиатские, американские и протоайнские элементы. Чётко прослеживаются общетунгусский пласт иконографии и верований, а также северотунгусский (орочонский, эвенкийский, эвенский и негидальский) и южнотунгусский (нанайско-ульчский и удэгейский).

Особое значение имеют средневековый пласт (мохэ-чжурчжэньский, когурёсский, енисейских кыргызов), а также древнекитайский (Ханьский). Выделение этнокультурных пластов в орнаменте и связанных с ним верований уйльта (ороков) позволяет охарактеризовать некоторые особенности их культурогенеза и этнической истории.

Ключевые слова: этнокультурные влияния и связи, этапы этногенеза, семантика, типы и мотивы орнамента, верования, ритуал, этнографические коллекции, уйльта (ороки).

Ethnocultural Connections and Semantics of the Ornament of the Uilta (Oroks).

Part I. Basic Motives of Curvilinear and Geometric Design.

Tatiana Sem, Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Russian Far East of the Russian Ethnographic Museum, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: semturem@mail.ru.

The article is devoted to the problems of ethnogenesis and ethnocultural relationships of the Uilta (Oroks) based on the materials of the ornament. The main attention is paid to the stages of the ethnogenesis and general issues of the ornamentation analysis. Then, the features of the main motifs of curvilinear and geometric design of the Uilta (Oroks) and the connection of its symbolism and semantics with traditional beliefs are analyzed. This allows to reveal ethnocultural influence and interactions that brings novelty and relevance to the study. It is justified that the ornament is one of the most ethno-indicative elements of traditional culture and preserves various ethnocultural layers of iconography and beliefs.

The article examines ethnographic materials of the Russian ethnographic museum as well as a number of the Far Eastern museums: the ornament of the Uilta (Oroks) in clothing, footwear, headgear, utensils, pieces of reindeer harness, objects of rituals.

The geometric and curvilinear ornaments include large curved-spiral, small spiral-plant, bracket-shaped and heart-shaped motifs. Their combination creates zoomorphic and anthropomorphic designs which will be examined in the second part of the article.

The study reveals the semantics of the Uilta (Oroks) patterns based on mythology, rituals and beliefs. The cults of fertility, the sun and fire are of special importance. The study identifies various ethnic influences where ancient, medieval and more recent ethnic components are distinguished. The most archaic layer in the ornament of the Uilta (Oroks) is the so-called Amur Neolithic layer which includes local traditions, East Asian, American and Proto-Ainu elements. The clearly defined layers are the Manchu-Tungus layer of iconography and beliefs, North Tungus (Oroqen, Evenks, Evens and Negidal) and South Tungus (Nanai, Ulchi and Udege). The medieval layer (Mohe-Jurchen, Kogures, Yenisei Kyrgyz) and Chinese (Han) is of particular significance. Thus, the selection of ethnocultural layers in the ornament and the associated beliefs of the Uilta (Oroks) allows to characterize some features of their cultural genesis and ethnic history.

Keywords: ethnocultural influence and connections, stages of ethnogenesis, semantics, types and motifs of ornament, beliefs, ritual, ethnographic collections, the Uilta (Oroks).

ВВЕДЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОГЕНЕЗА УЙЛЬТА (ОРОКОВ)

Уйльта (ороки) — один из наиболее малочисленных (в 2010 г. насчитывалось 295 чел.) периферийных этносов тунгусо-маньчжурских народов, проживающий на Сахалине. Вопросы этногенеза ороков являются важной и до конца не решённой проблемой этнографической науки. Большинство учёных выделяют в языке, антропологии и культуре ороков северотунгусские (эвенкийские и эвенские) и южнотунгусские (нанайско-ульчские, а также негидальские, удэгейские, ороческие) черты [23, с. 61—81; 35, с. 132—144]. По мнению А.В. Смоляк, в культуре ороков и других народов Нижнего Амура присутствует архаичный амурский пласт, состоящий из разных элементов (западного, северного и восточного), а также прослеживаются нивхские и айньские влияния [33, с. 177—195]. Поэтому можно говорить о древнем субстрате и более поздней тунгусской основе в этногенезе ороков.

Э.В. Шавкунов относил генезис культуры ороков к Средневековью и связывал их с предками эвенков-орочонов, сформировавшихся в VII в. н.э. на основе племён Маньчжурии (Большого Хингана) — улохоу [40, с. 49]. Согласно китайским источникам, улохоу, или улянха, относились к группе кумохи из конфедерации Дунху [3, т. 1, с. 349, т. 2, с. 79; 19, с. 302—305]. Кюнер сопоставляет название *улохоу* с более поздним *урианхай*, а Э.В. Шавкунов — с *орочон* [40, с. 49]. Судя по этнониму, кумохи, или хи/си, частично являлись омонголенными группами сушеней/сишеней. Мы разделяем точку зрения большинства китайских и российских востоковедов и археологов, что сушени — древние предки тунгусо-маньчжуров, во II тыс. до н.э. обитавшие в центральных и — позднее — восточных районах Китая (Шандун), где контактировали с древними китайцами и тибето-бирманскими народами, а также индонезийцами, и затем переселившиеся в Маньчжурию [3, т. 2, с. 7, 23—24; 19, с. 221, 254—255; 20, с. 8—17; 1, с. 78—80; 11, с. 223, 274]. О том, что носители байкальского антропологического типа вошли в состав южно-маньчжурской неолитической культуры Давэнькоу, свидетельствуют данные антропологии [10, с. 78—88]. Истоки байкальцев восходят к Приморью V тыс. до н.э. [2]. В I тыс. до н.э. сушени продвинулись на территорию Маньчжурии и Приморья, возможно, Приамурья. Этнонимы *илоу* и восходящий к нему *улохоу* сопоставимы с эвенкийским *илэ* — «человек» [5, с. 12]. Версия Э.В. Шавкунова о сушенях как протоайнах [39, с. 26—29] представляется спорной. С нами солидарен и известный петербургский айновед А.М. Соколов [34, с. 220—221]. Потомки сушеней — илоу, — которых археологи относят к разным культурам Приамурья и Приморья I—III вв. н.э. (янковской, польцевской) [27, с. 36; 4, с. 87—90], уже представляли собой смешанное северо- и южнотунгусское население, возможно, вошедшее в контакт с палеонивхами. На данных археологии [11, с. 274] основывается версия о раннем неолитическом расселении пратунгусов на территории Среднего Амура и Маньчжурии и их контактах с рыболовами Нижнеамурской культуры.

Формирование северных и южных тунгусов, очевидно, проходило и на территории Байкала и Верхнего Амура, и в южной Маньчжурии [27, с. 33—39; 5, с. 39—41; 11, с. 273—275; 20, с. 8—17].

Другие средневековые северные группы, да и бо шивэй и сымо мохэ (самагиры), в состав которых входили северные тунгусы — эвенки [24, с. 28—36, 45, 101—104; 20, с. 29], — вероятно, приняли участие в этнокультурогенезе тунгусских предков ороков. Появившись на Нижнем Амуре и продвинувшись на восток Сахалина и юго-восток Приморья, по крайней мере, в раннем железном веке и Средневековье, тунгусы вошли в контакт с амурским населением, включая южных тунгусо-маньчжуров (группа мохэ — бохай — чжурчжэни), а также с нивхами и айнами, известными, как и тунгусы, под общим названием *мохэ*. Одним из проявлений этого процесса, по данным японских антропологов и археологов, является участие мохэсцев в формировании поздней охотской культуры на Сахалине IX—XII вв. [6, с. 157—159]. Причём наличие керамики с тунгусским орнаментом в составе этой культуры [41, с. 234—236], на наш взгляд, свидетельствует об участии предков тунгусов — эвенков и эвенов — в составе массива мохэ. Айны в своём фольклоре называли их пришельцами, тончами, древним доайнским населением Сахалина [6, с. 158]. Вполне вероятно, что они участвовали в формировании ороков. В этот период на мохэсцев и их потомков — чжурчжэней — оказывали сильное влияние древнетюркские племена (енисейских кыргызов и уйгуров), экспансия которых на восток, в Приамурье, относится к IX в. [39, с. 142]. Процесс смешения северных и южных тунгусов с амурскими аборигенами был длительным, северотунгусские элементы просачивались на Нижний Амур и Сахалин и позднее, вплоть до XIX в.

Наиболее раннее упоминание в письменных источниках уйльта (ороков) как отдельного этноса относится к эпохе XII—XIV вв. В «Ляо дун джи» сообщается об илию, живущих на Сахалине наряду с куи — айнами — и гилеми — нивхами [47, р. 55]. Очевидно, что этноним *илию* сопоставим с тунгусскими *илоу* и *улохоу* и восходящим к ним маньчжурским *урунчун*, русским *орочон* и этимологизируется от эвенкийского *илэ* — «человек». В XVII в. часть охотских тунгусов (эвенов) мигрировала на Амур и Сахалин и вошла в состав тунгусо-маньчжуров, в том числе ороков (род Баягир и Муеллагир) [36, с. 43, 46]. Некоторые исследователи рассматривают данный период в этнической истории ороков как основной для их этногенеза [35, с. 77—84, 132—144]. Нам же представляются более древние истоки уйльта (ороков), и это зафиксировано в их языке: наряду с нанайским и ульчским, орокский относится к наиболее древнему архаичному фонетическому П-ареалу [38, с. 61—63]. О древнем типе оленеводства у ороков, связанном с Маньчжурией, пишет В.Д. Косарев [17, с. 17—31]. Таким образом, этногенез ороков связан с различными этапами проникновения северных тунгусов на Нижний Амур и Сахалин (илоу, улохоу, увань, части шивэй и сымо мохэ) и смешением их с южными тунгусо-маньчжурами (мохэ-чжурчжэнями) и аборигенами Амура (нивхами и айнами группы мохэ) в эпоху Средних веков и более позднее время.

АМУРСКИЙ ОРНАМЕНТ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ

Орнамент, как один из наиболее этнопоказательных элементов культуры, сохранил старинные традиции и является важным историко-этнографическим источником для реконструкции истории и культуры этноса и его самоидентичности [13, с. 5, 22, 30—31, 40, 42]. Исследования искусствоведов и философов показали: орнамент — один из древнейших способов предметно-чувственного художественного и познавательного восприятия мира, отражающий глубинные универсалии психики человека, его мировоззрения, включая модель Вселенной [15, с. 254; 28, с. 282—285]. Орнамент этноса связан с природой, хозяйственной деятельностью, особенностями материальной и духовной культуры [13, с. 32; 16, с. 3; 29, с. 71]. В изучении орнамента выделяется комплекс формально-изобразительного, семантического и этногенетического подходов [13]. На одной из последних Санкт-Петербургских этнографических конференций, посвящённых орнаменту, наиболее востребованными были семиотический и иконографический подходы: внимание акцентировалось на историко-культурной, религиозно-конфессиональной и этнической специфике орнамента [29]. В настоящем исследовании наряду с этими подходами применяется метод аналогий для выделения этнокультурных параллелей различных регионов в пространственно-временном измерении.

Общий анализ амурского орнамента провёл американский учёный Б. Ляуфер в 1902 г. Рассмотрев мотивы узоров нивхского, нанайского, частично удэгейского и айнского типов, он пришёл к выводу, что на Нижнем Амуре эпицентром орнаментального искусства, повлиявшего на все остальные народы, были гольдские (нанайские) типы орнаментов, которые в свою очередь испытали сильное китайское влияние [44, р. 2—8]. Исследования С.В. Иванова и А.П. Окладникова показали, что это лишь отчасти верно: в генезисе амурского орнамента задействованы различные этнокультурные и исторические влияния, в том числе древний амурский неолитический пласт. А.П. Окладников и Е.А. Окладникова много внимания уделили сюжетам наскальных рисунков и орнаменту керамики Нижнего Амура, выявляя их связи с амурскими народами, этносами Юго-Восточной и Восточной Азии и индейцами Америки [26, с. 90—98, 112—120; 28, с. 67—69, 104—108, 117, 121, 286]. Проблемой изучения нивхского орнамента специально занимался П.Я. Гонтмахер. Он пришёл к выводу, что на орнамент нивхов повлияли другие амурские и сахалинские народы, в том числе ороки, айны и нанайцы, и что орнамент сахалинских нивхов, в отличие от амурского, сохранил более архаичные мотивы [9, с. 104]. Это же мы можем сказать и в отношении сахалинских ороков. Очень интересными являются статьи Л.И. Миссоновой, рассматривающей некоторые связи искусства и верований ороков (на примере танца огня и соотносящихся с ним рисунков) [22, с. 33—44].

Пристальное внимание к амурскому искусству в целом и орокскому в частности — важный этап в изучении орнамента Амуро-Сахалинского региона. При анализе орокского орнамента исследователями были выделены его основные типы и отдельные мотивы (крупно-спиральный, растительный, зооморфный, антропоморфный) и их особенности; также отмечались отдельные этнокультурные влияния, в том числе северотунгусское (эвенкийское), нижнеамурское и центрально-азиатское [13, с. 379, 428—433; 16, с. 130].

Однако, несмотря на усилия искусствоведов и этнографов, при работе с орокским орнаментом не были использованы многие источники из центральных и дальневосточных музеев, а анализ его семантики и мотивов специально не проводился. Новизна данной статьи заключается также в рассмотрении орнамента ороков (на основе материалов Российского этнографического музея и публикаций Сахалинских краеведческих музеев, Ногликского, Поронайского, Охинского музеев [17; 30]) в свете традиционных верований, мифологии и ритуалов, что позволяет выявить этнокультурные связи, уточнить отдельные вопросы культурогенеза.

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ КРИВОЛИНЕЙНЫХ И ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ОРНАМЕНТОВ, ИХ СЕМАНТИКА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Среди типов орнамента ороков выделяются различные криволинейные и геометрические узоры, у которых на основе анализа музейных материалов автор выявил следующие мотивы:

Криволинейный тип: крупный спиральный, мелкий спирально-растительный, сердцевидный, скобообразный мотивы, и как результат их сочетания — зооморфные и антропоморфные узоры.

Геометрический тип: полосовой, круговой, косые кресты, квадраты, 8-образный орнамент и 8-конечная звезда.

В настоящей статье рассматриваются только криволинейные и геометрические узоры, за исключением зооморфных и антропоморфных, которым будет посвящена вторая часть исследования.

Криволинейно-спиралевидный орнамент имеет крупные размеры, встречается на вышивке одежды и заготовках орнамента, меховой мозаике, оленьих луках [13, с. 374; РЭМ. Кол. 8761-11443, 11452; 10096-15]. Он схож с орнаментами амурских народов (нивхов и орочей) [9, с. 12, 57, 85, 103] и относится к палеоазиатской основе. В его сюжете имеют спирали, S-образные, в том числе парные, 3-образные и X-образные криволинейные фигуры, являющиеся амуро-приморской особенностью.

Сходный орнамент был характерен для керамики с. Кондон и петроглифов Нижнего Амура эпохи неолита [25, с. 52, 73—76, 99; 26, с. 97—98; 28, с. 67—71, 106—107]. Семантика неолитической спирали связывалась

Рис. 1. Крупный криволинейный орнамент на заготовке к обуви.
Конец XX в., о. Сахалин, п. Вал. Ороки [РЭМ. Кол. 10862-7]

с образом космического солярного змея, символизирующего Вселенную, а также волны как творца мира и земли. Отметим, что образ космического змея был характерен для орнаментики народов Амура и Сибири (нанайцев, нивхов, эвенков), согласно мифологии которых он являлся создателем мира. В Сибири и на Амуре неолитический образ змее-дракона восходит к палеолиту Прибайкалья стоянки Мальта [37, с. 48, 126—127, 174—175]. Кроме того, крупный криволинейный орнамент различных вариантов был широко распространён на неолитической керамике, исследованной китайским учёным Чжаном Яцином. В более позднее время он также встречался на одежде и утвари народов Восточной и Юго-Восточной Азии. По-видимому, Амур входит в этом отношении в единую орнаментальную зону с Восточной Азией, на что уже обращал внимание А.П. Окладников. Вероятно, предки тунгусо-маньчжуров — сушени — ещё в эпоху бронзы усвоили эти традиции, проживая в Китае.

Криволинейно-спиральная розетка с ромбом в центре и четырьмя завитками по сторонам, называемая рогообразной, встречается у ороков на оленьих луках, левополой одежде и в образцах вышивки [РЭМ. Кол. 6808-15, 8761-1045; ПКМ. Кол. 102-4, 7, 8, 15].

Известна она и другим народам Амура — нивхам и айнам, — а также эвенкам Сибири. Этот тип орнамента наиболее распространён у тюркоязычных этносов Сибири и Средней Азии, интерпретирующих его как солярный знак, изображающий рога барана [14, с. 74—77]. Данный узор имеет аналогичную солярную символику у ороков, к ним он мог попасть в Средние века, в период тюркской экспансии в Приамурье.

К особому типу орнамента, являющегося наиболее характерным для ороков, относится **мелкий спиралевидно-растительный** (на одежде в виде вышивки) [43, р. 30; РЭМ. Кол. 6808-15; СГОКМ. Кол. 6258, 6188-1].

Рис. 2. Солярная спиральная розетка и S-образный орнамент на перчатках. Середина XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 7437-4/1, 2]

Рис. 3. Мелкий спирально-растительный орнамент. Конец XX в., о. Сахалин, п. Вал. Ороки [РЭМ. Кол. 10862-9]

Его ближайшие аналогии прослеживаются у негидальцев [21, с. 108—109, 121—124], майских эвенков Якутии [Арх. РЭМ. Кол. 940-3], ороочонов Маньчжурии [46, р. 121], а также манегров и хакасов [13, с. 396—397]. Изредка он встречается у нивхов [9, с. 13]. Ранее этот тип орнамента был характерен для металлических изделий средневекового населения Южной Сибири — енисейских кыргызов (предков хакасов) [18, с. 112, 119, 126—127]. Известно, что в мохэскую эпоху под натиском средневековых уйгуров кыргызы

мигрировали на Амур и смешались с мохэсцами — непосредственными предками тунгусо-маньчжуров [39, с. 142]. Данный орнамент также имеется у чжурчжэней — потомков хэйшуй и сумо мохэ. Наиболее ранний вариант спирально-растительного узора подобного типа впервые встречается на погребальных сооружениях древних китайцев эпохи Хань в качестве символа верхнего мира [42, с. 128—129, рис. 57]. Этот орнамент связан с представлениями о плодородии, жизни, возрождении. К тюркским народам он мог попасть из Китая в эпоху хунну.

К **растительному типу** орнамента ороков относится узор на деревянной оленьей луке с чернением в виде дерева с ветвями и кругами-солнцами на них [РЭМ. Кол. 2078-12, 8761-11443].

Рис. 4. Изображение солярного дерева на луке выючного оленьего седла. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 2078-12]

Аналогичный орнамент солнечного дерева встречается на оленьей луке эвенков [12, с. 359] — это может свидетельствовать, что ороки заимствовали у них сюжет. Сам образ отражает типичные для всех тунгусо-маньчжуров представления о мире, связанные с мировым деревом, деревом жизни и богиней плодородия [31, с. 280—301]. Наличие на рисунке на луке нескольких солнц отсылает нас к восточноазиатской традиции. У древних китайцев эпохи Хань имеется изображение древа жизни с 10 птицами-воронами на нём, символизирующими солнца, и стрелка в них из лука [42, с. 109]. Данный образ, как показали исследования, повлиял на формирование у народов Амура мифа о трёх солнцах. У чжурчжэней археологи обнаружили металлическое конское навершие, изображающее древо жизни с птицами [39, с. 266]. На шаманских иконах нанайцев рисовались деревья жизни с птицами и символом солнца в центре [12, с. 262, 268].

В орнаменте ороков на ковриках и одежде, образцах орнамента из берёсты или бумаги часто встречаются **сердцевидные фигуры** со спиралевидно-растительными элементами, также связанные с культом плодородия [43, р. 37, рис. 59, р. 3, рис. 2—3; РЭМ. Кол. 8761-18248, 18251, 2448-99]. Аналогичные мотивы известны у якутов [14, с. 123] и хакасов, восходят к впоследствии заимствованному амурскими народами типу орнамента средневековых енисейских кыргызов, у которых данные фигуры встречаются как самостоятельный узор либо как обрамление головы божества плодородия [18, с. 113, 119, 126, 185]. Интересно отметить, что указанное божество у нанайцев и эвенов было связано с растительностью и ходом солнца и являлось шаманским духом-покровителем. Его изображали в виде антропоморфного криволинейного орнамента (нанайцы) или на бронзовых бляхах (народы Амура и эвены) [31, с. 332, 344—349; 32, с. 57—59].

Весьма характерен для орокского искусства **скобообразный** тип орнамента на оленьих луках, ритуальных корытах и одежде, встречающийся в одинарном и парном вариантах либо в зооморфно-антропоморфном стиле [13, с. 405; 43, р. 28; РЭМ. Кол. 8762-182821, 8283; 8761-8010; 6808-15; 2011-68, 8761-11451, 11452].

В качестве отдельных элементов он известен в орнаментах нивхов, амурских и маньчжурских эвенков. Наиболее же характерен подобный мотив для айнов, у них он встречается на одежде, утвари, вооружении [РЭМ. Кол. 64-32, 5110-128, 8762-17088, 5102-132]. С.В. Иванов относил его к восточноазиатскому типу орнамента, восходящего к меандру [13, с. 403], который в свою очередь связан с идеей роста, жизни, движения. У удэгейцев он соотносился с образом змеи [29, с. 73]. Японские исследователи К. Киндаити и С. Сугияма предположили, что его создателями были айны, от которых его переняли народы Амура и Сахалина [9, с. 76]. Подтверждением этого заключения является тот факт, что у айнов орнамент встречается в более разнообразных вариантах (композиции сетки и разрозненных

Рис. 5. Скобообразный орнамент на боковом разрезе женского халата. Середина XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 6808-15]

или парных элементов), а также в зооморфных и антропоморфных узорах. Последнее прослеживается также у ороков. Истоки орнамента восходят в Японии к неолитическому периоду культуры Дзёмон, носителями которой были праайны. На антропоморфной фигурке Догу из Токийского музея, изображающей богиню-прародительницу, скобообразный орнамент представлен сеткой на теле и рассматривается как инициальная татуировка [8, с. 132—135]. Отметим, что форма фигурок Догу имеет аналогии в криволинейном орнаменте народов Амура, в том числе нанайцев, ульчей, удэгейцев [31, с. 282, 285, 349—350].

Среди **геометрических узоров** на свадебной кофте ороков присутствуют орнаментальные фигуры в виде косо́го креста (символа огня) и ромба с крестом в центре (символа плодородия). Они встречаются в сочетании с криволинейным растительно-цветочным орнаментом — символом роста, жизни и возрождения [РЭМ. Кол. 2079-85].

Рис. 6. Геометрический тип орнамента на свадебной женской кофте. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 2079-85]

К старинному нагруднику ороков прикреплены литые бронзовые подвески [СОГКМ. Кол. 2338-24] в виде круга (символа солнца) и 8-образной фигуры (символа богини огня). Аналогии последней встречаются на луках оленьих сёдел и ритуальном корыте ороков [РЭМ. Кол. 8761-8017 а, 11452, 11451, 2078-10; 8761-9469]. У народов Амура также известны параллели этому образу. У удэгейцев и нанайцев фигуры богини огня изображались в виде восьмёрки из дерева или камня, у эвенков они вышивались бисером на женских нагрудниках-передниках и обозначали муравья

(символ бессмертия, возрождения) или паука (символ прародительницы) [31, с. 427, 440—443]. Близкая символика была известна в Северной Америке индейцам Калифорнии [28, с. 203]. По мнению А.А. Бурькина, образ паука сохраняет в Сибири архаичные соответствия американскому материалу, где паук выступает как прародитель и творец мира. Следует отметить, что образ богини огня в форме 8-образной фигуры, иногда с разомкнутым низом или в виде двух змей, был распространён у средневековых чжурчжэней [39, с. 269]. Близкая аналогия имеется в культуре айнов, у которых огонь был связан с культом змей [45, р. 19]. Наиболее ранние параллели прослеживаются в Маньчжурии эпохи бронзы [1, с. 118—119], откуда предками тунгусо-маньчжуров — сушенями — они могли быть принесены на Амур и Сахалин. У ороков изображение 8-образной фигуры с разомкнутым основанием встречается на костяных луках оленьих сёдел.

В ритуальной одежде ороков для украшения заплечника, имитирующего шаманский плащ, использована полосовая орнаментика в виде чередующихся горизонтальных полосок на ровдужных жгутах красного и чёрного цвета [43, р. 76, рис. 149—150], что символизирует два мира, людей

Рис. 7. 8-образный орнамент на костяной луке вьючного оленьего седла. Конец XIX — начало XX в., о. Сахалин. Ороки [РЭМ. Кол. 8761-11452]

и предков, жизнь и смерть. Прямые аналогии относятся к шаманской одежде негидальцев [21, с. 138—139; РЭМ. Кол. 8762-20318; ХКМ. Кол. 7928], амурских ороочонов и эвенков юга Якутии [РЭМ. Кол. 8762-19255]. Параллель с северными тунгусами весьма интересна тем, что остальной комплекс их ритуальной атрибутики — бубен с колотушкой, ритуальные заструженные палочки инау для богов, ритуальная скульптура — относится к нанайско-орочскому типу [7, с. 20]. Полосовой орнамент как наиболее характерный встречается в одежде и утвари эвенков и восходит к узору на керамике Польцевской культуры Нижнего Амура в раннем железном веке I тыс. до н.э., связан с культом солнца и плодородия. О принадлежности польцевцев к тунгусам высказывался А.П. Окладников. По другой версии, они палеоазиаты, возможно, пранивхи [11, с. 351], которые как субстрат также могли войти в состав тунгусов. Очевидно, на Амур указанный тип орнамента с шаманством занесли эвенки-орочоны, вероятно, в постчжурчжэньское время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ

Таким образом, семантика основных мотивов криволинейного и геометрического орнамента уйльта (ороков) была связана с мифологией, культами солнца, огня и плодородия и шаманством. Наиболее древние представления восходят к модели мира в виде небесного змея, соответствующего спиральному орнаменту, мифам о творении мира (волна, паук), идеям жизни и движения, роста, бессмертия, оппозиции двух миров, жизни и смерти в шаманстве, нашедшим отражение в полосовом, круговом орнаменте, а также спирально-растительном и зооморфном. В орокском орнаменте особое значение имели культ плодородия, культ огня и солнца, связанные с образом богини-прародительницы. С шаманством соотносились изображения бога-посредника, а также идея оппозиции жизни и смерти, мира людей и мира духов и предков, обозначенных соответствующим (красным или чёрным) цветом.

Этнокультурный аспект анализа орокского орнамента показывает, что криволинейный узор в виде спирали сопоставим с древним мифом о космическом солярном змее — символе Вселенной, имеющем палеолитическую древность. В образе змее-дракона он встречается уже в наскальных рисунках неолита Амура и памятниках неолита и бронзы Маньчжурии, связан с образами инициальных юношеских обрядов, аналогичных у народов Юго-Восточной Азии и индейцев Северной Америки, и является одной из волн амурского субстрата в культуре этносов Нижнего Амура. К древней восточноазиатской традиции относится образ солнечно-го дерева с птицами и стрелка в лишние светила, а также спирально-растительный орнамент как символ жизни и возрождения, которые могли

попасть к народам Амура и Сахалина либо в период проживания сушеней в Китае эпохи бронзы и через их потомков (илоу Приморья и Маньчжурии), либо через средневековое посредничество мохэ-чжурчжэней. К пратунгусо-маньчжурским элементам орнамента ороков относится узор, связанный с культом плодородия, культом солнца и огня. Это нашло отражение в средневековом орнаменте и пластике мохэ-чжурчжэней и сохранилось у северных и южных тунгусо-маньчжурских народов в этнографический период времени. К Средним векам в орнаменте чжурчжэней и через них у тунгусо-маньчжуров (и ороков в том числе) относится древнетюркское и тюрко-монгольское влияние (сердцевидный, мелкий спирально-растительный узор енисейских кыргызов, а также рогообразная розетка — символ солнца). К айнскому влиянию в орнаменте ороков и других тунгусо-маньчжурских народов относится скобообразный орнамент, имевший восточноазиатское происхождение от меандра, чей образ связан с идеей жизни и движения. К более позднему северотунгусскому пласту орокского орнамента относится полосовой тип узора для украшения одежды, оленьей упряжи и утвари, который восходит к раннему железному веку культуры Польце на Амуре и связан с идеями плодородия и культом солнца.

Таким образом, изучение основных мотивов криволинейного и геометрического орнамента уйльта (ороков) показало, что он соотносится с основными этапами их этногенеза и отражает этнокультурные связи разных периодов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая. Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007. 168 с.
2. Балуева Т.С. Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чёртовых ворот (Приморье) // Вопросы антропологии. М., 1978. Вып. 58. С. 184—187.
3. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.; Т. 2. 335 с.
4. Бродянский Д.Л. Проблемы этногенеза в Дальневосточной археологии // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения). Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 87—90.
5. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
6. Василевский А.А. Происхождение и родство островных народов Восточной Азии (Обзор зарубежной антропологической литературы) // Краеведческий бюллетень (СОКМ). Южно-Сахалинск, 1995. № 3. С. 143—162.
7. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. № 1. С. 3—22.
8. Васильевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск: Наука, 1981. 174 с.

9. Гонтмахер П.Я. Золотые нити на рыбьей коже. Хабаровск: Книжное изд-во, 1988. 128 с.
10. Гохман И.И., Решетов А.М. О южных границах распространения североазиатских монголоидов в древности // Советская этнография. 1981. № 6. С. 78—88.
11. Деревянко А.П. Приамурье. I тыс. до н.э. Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
12. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.; Л.: АН СССР, 1954. 838 с.
13. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л. АН СССР, 1963. 500 с.
14. Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд. Якутск, 2012. 184 с.
15. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с.
16. Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина. Проблемы этнических традиций. СПб.: Наука, 1995. 152 с.
17. Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2009. 194 с.
18. Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
19. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 392 с.
20. Ларичев В.Е. Народы Дальнего Востока в древности и средневековье и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8—53.
21. Лебедева В.В. Негидальцы. Материалы к изучению культуры этноса. XIX—XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2011. 159 с.
22. Миссонова Л.И. «Танец огня» как один из главных обрядов жизненного цикла в тунгусо-маньчжурской практике // Музей. Традиции. Этничность. 2014. № 2. С. 33—44.
23. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: основные проблемы исследования // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 61—81.
24. Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. 184 с.
25. Окладников А.П. Керамика древнего поселения Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука, 1984. 124 с.
26. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 335 с.
27. Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6. С. 25—42.
28. Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. Проблемы этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 320 с.
29. Орнамента в артефактах традиционной культуры. Материалы Пятнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. 411 с.
30. Осипова В. Силуэты на рыбьей коже: персональная выставка уйльтинской мастерицы Вероники Осиповой (п. Ноглики). Южно-Сахалинск, 2016. Б.с.
31. Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (Семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. 640 с.

32. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь // Тр. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14. 156 с.
33. Смоляк А.В. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 177—195.
34. Соколов А.М. Айны: от истоков до современности (материалы к истории становления айнского этноса). СПб.: МАЭ РАН, 2014. 766 с.
35. Старцев А.Ф. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 162 с.
36. Туголуков В.А. Этногенез и этническая история // История и культура эвенков: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997. С. 13—57.
37. Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. 237 с.
38. Цинциус В.И. Центральные и маргинальные фонетические ареалы Приамурья и Приморья // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М.: Наука, 1978. С. 59—66.
39. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
40. Шавкунов Э.В. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н.э. // Тр. ДВФ СО АН СССР им. В.Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. Т. 1. С. 37—74.
41. Шубина О.А. Этапы заселения древним человеком укрепленного поселения Белокаменная-часи на Южном Сахалине // Вестн. Сах. обл. краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1999. № 6. С. 227—252.
42. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 248 с.
43. Ikegami Jiro. Album of the Uiltas (Oroks) of Sakhalin. Hokkaido, Abashiri, 1982. 116 p.
44. Laufer B. The Decorative Art of the Amur Tribes // Memoirs of the American Museum of Natural History. N.Y., 1902. 86 p.
45. Munro G. Ainu Creed and Cult. N.Y.: Columbia University press; L.: Routledge and Kegan Paul, 1963. 171 p.
46. Outline of Collection of Cultural Relics of the Ewenki, Oroqen and Hezhen Peoples in China. Peking, 2014. 220 p.
47. Sei Wada. The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese Record // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (the Oriental Library). Tokyo, 1938. No. 10. P. 45—107.
48. ПКМ (Кол. Приморского краеведческого музея).
49. РЭМ (Кол. Рос. этнографического музея).
50. СГОКМ (Кол. Сах. гос. обл. краеведческого музея).
51. ХКМ (Кол. Хабаровского краевого музея).

REFERENCES

1. Alkin S.V. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaja. Neolit Juzhnoj Man'chzhurii* [Ancient Cultures of Northeast China. The Neolithic Age of Southern Manchuria]. Novosibirsk, IAEH SO RAN Publ., 2007, 168 p. (In Russ.)
2. Balueva T.S. *Kraniologicheskij material neoliticheskogo sloya peshchery Chertovy vorota (Primor'e)* [Craniological Material of the Neolithic Layer of the Chertovy Vorota Cave (Primorye)]. *Voprosy antropologii*, Moscow, 1978, iss. 58, pp. 184—187. (In Russ.)

3. Bichurin N.Ya. (Iakinf). *Sobranie svedenij o narodah, obitayushchih v Srednej Azii v drevnie vremena* [Collection of Data about the Peoples of Central Asia in Ancient Times]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950, vol. 1, 381 p., vol. 2, 335 p. (In Russ.)
4. Brodyanskij D.L. Problemy ehtnogeneza v Dal'nevostochnoj arheologii [Problems of Ethnogenesis in the Far Eastern Archaeology]. *Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya (Pervye Shavkunovskie chteniya)* [Manchu-Tungus Issue Today (the First Shavkun's Readings)]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2008, pp. 87—90. (In Russ.)
5. Vasilevich G.M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenks. Historical and Ethnographic Essays (the 18th Century — the Early 20th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
6. Vasilevsky A.A. Proisshozhdenie i rodstvo ostrovnyh narodov Vostochnoj Azii (Obzor zarubezhnoj antropologicheskoy literatury) [Origin and Relationship of the Island Peoples of East Asia (Review of International Anthropological Literature)]. *Kraevedcheskiy byulleten' (SOKM)* [Bulletin of Local History (Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore)]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1995, no. 3, pp. 143—162. (In Russ.)
7. Vasiliev B.A. Osnovnye cherty jetnografii orokov [Main Features of the Oroks' Ethnography]. *Jetnografiya*, 1929, no. 1, pp. 3—22. (In Russ.)
8. Vasil'evskij R.S. *Po sledam drevnih kul'tur Hokkajdo* [In the Footsteps of Ancient Cultures of Hokkaido]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 174 p. (In Russ.)
9. Gontmaher P.Ja. *Zoloty niti na ryb'ej kozhe* [Gold Threads on Fish Skin]. Habarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1988, 128 p. (In Russ.)
10. Gohman I.I., Reshetov A.M. O yuzhnyh granicah rasprostraneniya severoaziatskih mongoloidov v drevnosti [On the Southern Borders of Spread of North Asian Mongoloids in Antiquity]. *Sovetskaya etnografiya*, 1981, no. 6, pp. 78—88. (In Russ.)
11. Derevjanko A.P. *Priamur'e. I tys. do n.je.* [The Amur Region. First Millenium BC]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 384 p. (In Russ.)
12. Ivanov S.V. *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX — nachala XX v.* [Materials on Fine Arts of the Peoples of Siberia in the 19th Century — the Early 20th Century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1954, 838 p. (In Russ.)
13. Ivanov S.V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskij istochnik (po materialam XIX — nachala XX v.)*. *Narody Severa i Dal'nego Vostoka* [The Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source (Based on the Materials of the 19th Century — the Early 20th Century). The Peoples of the North and the Far East]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1963, 500 p. (In Russ.)
14. Johansen U. *Ornamental'noe iskusstvo jakutov. Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Ornamental Art of the Yakuts. Historical and Ethnographic Research]. Ed. 2, Yakutsk, 2012, 184 p. (In Russ.)
15. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 1996, 415 p. (In Russ.)
16. Kocheshkov N.V. *Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sahalina. Problemy ehtnicheskikh traditsij* [Decorative Art of the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin. Problems of Ethnic Traditions]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1995, 152 p. (In Russ.)
17. *Kul'turnoe nasledie narodov Dal'nego Vostoka Rossii. Sahalinskaya oblast'. Ujl'ta. Evenki* [Cultural Heritage of the Peoples of the Russian Far East. Sakhalin Region. Uilts. Evenks]. Yuzhno-Sakhalinsk, Lukomor'e Publ., 2009, 194 p. (In Russ.)
18. Kyzlasov L.R., Korol' G.G. *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh hakasov kak istoricheskij istochnik* [Decorative Art of Medieval Khakass as a Historical Source]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 216 p. (In Russ.)

19. Kjuner N.V. *Kitajskie izvestija o narodah Juzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese News about the Peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961, 392 p. (In Russ.)
20. Larichev V.E. *Narody Dal'nego Vostoka v drevnosti i srednevekov'e i ih rol' v kul'turnoj i politicheskoy istorii Vostochnoj Azii* [The Peoples of the Far East in Ancient Times and the Middle Ages and Their Role in the Cultural and Political History of East Asia]. *Dal'nij Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [Far East and Neighboring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, pp. 8—53. (In Russ.)
21. Lebedeva V.V. *Negidal'cy. Materialy k izucheniju kul'tury jetnosa. XIX—XXI vv.* [Negidals. Materials for the Study of Ethnic Culture. The 19th — 20th Centuries]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2011, 159 p. (In Russ.)
22. Missonova L.I. “Tanec ognja” kak odin iz glavnih obryadov zhiznennogo cikla v tunguso-man'chzhurskoj praktike [“A Dance of Fire” as One of the Main Rites of the Life Cycle in the Manchu-Tungus Practice]. *Muzej. Tradicii. Ehtnichnost'*, 2014, no. 2, pp. 33—44. (In Russ.)
23. Missonova L.I. Ujl'ta Sahalina: osnovnye problemy issledovaniya [The Uilta of Sakhalin: Main Issues of the Study]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2002, no. 5, pp. 61—81. (In Russ.)
24. Nesterov S.P. *Narody Priamur'ya v ehphu rannego srednevekov'ya* [Peoples of the Amur Region in the Early Middle Ages]. Novosibirsk, Institut arheologii i ehtnografii SO RAN Publ., 1998, 184 p. (In Russ.)
25. Okladnikov A.P. *Keramika drevnego poselenija Kondon (Priamur'e)* [Ceramics of the Ancient Settlement of Condon (Priamurye)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 124 p. (In Russ.)
26. Okladnikov A.P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 335 p. (In Russ.)
27. Okladnikov A.P. Tunguso-man'chzhurskaya problema i arheologiya [Manchu-Tungus Problem and Archaeology]. *Istoriya SSSR*, 1968, no. 6, pp. 25—42. (In Russ.)
28. Okladnikova E.A. *Model' Vselennoj v sisteme obyrazov naskal'nogo iskusstva Ti-hookeanskogo poberezh'ya Severnoj Ameriki. Problemy ehtnokul'turnyh kontaktov aborigenov Sibiri i korenного naseleniya Severnoj Ameriki* [Model of the Universe in the System of Images of Rock Art of the Pacific Coast of North America. Problems of Ethnocultural Contacts between the Natives of Siberia and the Indigenous Population of North America]. Saint-Petersburg, MAEH RAN Publ., 1995, 320 p. (In Russ.)
29. *Ornamentika v artefaktah tradicionnoj kul'tury. Materialy Pyatnadcatyh mezhdu-narodnyh Sankt-Peterburgskih ehtnograficheskikh chtenij* [Ornamentation in the Artifacts of Traditional Culture. Proceedings of the Fifteenth International Saint-Petersburg Ethnographic Readings]. Saint-Petersburg, IPC SPGUTD Publ., 2016, 411 p. (In Russ.)
30. Osipova V. *Siluehty na ryb'ej kozhe: personal'naya vystavka uil'tinskoj mastericy Veroniki Osipovoj (p. Nogliki)* [Silhouettes on Fish Skin: Personal Exhibition of the Uilta Craft Artist Veronika Osipova (The Nogliki Settlement)]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2016. (In Russ.)
31. Sem T.Ju. *Kartina mira tungusov: panteon (Semantika obrazov i jetnokul'turnye svyazi). Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [Worldview of the Tungus: Pantheon (Semantics of Images and Ethnocultural Relations). Historical and Ethnographic Essays]. Saint-Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2015, 640 p. (In Russ.)
32. Sem Ju.A., Sem L.I., Sem T.Ju. *Materialy po tradicionnoj kul'ture, fol'kloru i jazyku orokov. Dialektologicheskij oroksko-russkij slovar'* [Materials on Traditional Culture, Folklore and the Language of the Oroks. Dialectological Orok-Russian Dictionary]. *Trudy Instituta istorii, arheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN*

- [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2011, vol. 14, 156 p. (In Russ.)
33. Smolyak A.V. Problemy ehtnogeneza tungusoyazychnyh narodov Nizhnego Amura i Sahalina [Problems of Ethnogenesis of the Tungus-Speaking Peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. *Ehtnogenez narodov Severa* [Ethnogenesis of the Peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 177—195. (In Russ.)
 34. Sokolov A.M. *Ajny: ot istokov do sovremennosti (materialy k istorii stanovleniya ajn-skogo jetnosa)*. [The Ainu: from the Past to the Present (Materials about the History of Formation of the Ainu Ethnicity)]. Saint-Petersburg, MAEH RAN Publ., 2014, 766 p. (In Russ.)
 35. Starcev A.F. *Oroki — orochoyony, a ne ujl'ta! K probleme ehtnogeneza orokov Sahalina* [Oroks — Oroqens, not Uilta! To the Problem of Ethnogenesis of the Sakhalin Oroks]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2015, 162 p. (In Russ.)
 36. Tugolukov V.A. Ehtnogenez i ehtnicheskaya istoriya [Ethnogenesis and Ethnic History]. *Istoriya i kul'tura ehvenov: istoriko-ehtnograficheskie ocherki* [History and Culture of the Evens: Historical and Ethnographic Essays]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 13—57. (In Russ.)
 37. Frolov B.A. *Chisla v grafike paleolita* [Numbers in the Paleolithic]. Novosibirsk, 1974, 237 p. (In Russ.)
 38. Cincius V.I. Central'nye i marginal'nye foneticheskie arealy Priamur'ya i Primor'ya [Central and Marginal Phonetic Areas of the Amur Region and Primorye]. *Narody i yazyki Sibiri. Areal'nye issledovaniya* [Peoples and Languages of Siberia. Areal Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 59—66. (In Russ.)
 39. Shavkunov Je.V. *Kul'tura chzhurchzhjenej-udigje XII—XIII vv. i problema proishozhdeniya tungusskih narodov Dal'nego Vostoka* [Culture of the Jurchen-Udige in the 12th—13th Centuries and the Problem of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 282 p. (In Russ.)
 40. Shavkunov E.V. Primor'e i sosednie s nim rajony Dunbehya i Severnoj Korei v I—III vv. n.eh. [Primorye and Adjacent Areas of Dunbia and North Korea in the 1st—3rd Centuries A.D.]. *Trudy DVF SO AN SSSR im. V.L. Komarova. Seriya istoricheskaya* [Proceedings of the V.L. Komarov Far Eastern Affiliate of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Series]. Saransk, 1959, vol. 1, pp. 37—74. (In Russ.)
 41. Shubina O.A. Ehtapy zaseleniya drevnim chelovekom ukreplennogo poseleniya Belokamennaya-chasi na Yuzhnom Sahaline [Stages of Settlement of the Fortified Colony of Belokamennaya-chasi in Southern Sakhalin]. *Vestnik Sahalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Bulletin of Sakhalin Regional Museum of Local Lore]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1999, no. 6, pp. 227—252. (In Russ.)
 42. Janshina Je.M. *Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii* [Formation and Development of Ancient Chinese Mythology]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 248 p. (In Russ.)
 43. Ikegami Jiro. *Album of the Uiltas (Oroks) of Sakhalin*. Hokkaido, Abashiri, 1982, 116 p. (In Eng. and Jap.)
 44. Laufer B. The Decorative Art of the Amur Tribes. *Memoirs of the American Museum of Natural History*. N.Y., 1902, 86 p. (In Eng.)
 45. Munro G. *Ainu Creed and Cult*. N.Y., Columbia University press Publ., L., Routledge and Kegan Paul Publ., 1963, 171 p. (In Eng.)
 46. *Outline of Collection of Cultural Relics of the Ewenki, Oroqen and Hezhen Peoples in China*. Peking, 2014, 220 p. (In Eng.)
 47. Sei Wada. The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese Record. *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko* (the Oriental Library). Tokyo, 1938, no. 10, pp. 45—107. (In Eng.)